

„Мертвые души“ и Тульская губерния

В эти дни, когда вся наша страна готовится отметить столетие-десятилетний юбилей гениального русского писателя-реалиста Николая Васильевича Гоголя, жителям Тульской области, вероятно, будет интересно узнать, что сюжет величайшего произведения Гоголя — «Мертвых душ» связан с происшествием, имевшим место в тогдашней Тульской губернии.

Стержнем сюжета «Мертвых душ» является, как известно, покупка Чичиковым так называемых «мертвых душ», то есть крепостных крестьян, которые уже умерли, но официально, как еще не вычеркнутые из «ревизских сказок» (т. е. списков), числились живыми, и «владельцы» могли их, как свою собственность, заложить в банк для получения от государства денежной ссуды. Но подобная «покупка» крестьян, да еще в большом количестве, как это делает Чичиков, требовала и покупки земли для их якобы расселения. А между тем Чичиков земли не покупал. И вот в связи с этим между Чичиковым и председателем губернской палаты, который эти «покупки» должен был законно оформить, происходит следующий диалог:

— Но позвольте, Павел Иванович, — сказал председатель, — как же вы покупаете крестьян, без земли? А разве на вывод?

— На вывод.

— Ну, на вывод, другое дело. А в какие места?

— В места... В Херсонскую губернию...

С этого времени Чичиков и прослыл в городе херсонским по-

мещиком и уже при первом «вспрыскивании» чичиковских «покупок» местные губернские чиновники поднимают тост «за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение». Но на балу у губернатора пьяный Ноздрев, у которого Чичиков тоже торговал мертвые души, портит все торжество Чичикова, выкрикивая: «А, херсонский помещик, херсонский помещик, что? Много наторговал мертвых?»

Итак, почему Чичиков прослыл херсонским помещиком и почему его так называет Ноздрев, ясно: это произошло «по вине» председателя палаты, который раструбил о сделках Чичикова по всему городу. Но откуда в голове самого Чичикова появилась эта «Херсонская губерния», это может объяснить нам тогдашняя... Тульская губерния.

Вот что в связи с этим мы находим в воспоминаниях тульского земского деятеля, председателя дворянства Елифанского уезда Д. Д. Оболенского. После голода в 1840 году (а действие «Мертвых душ» относится как раз к этому времени), рассказывает Оболенский, один из богатейших помещиков Тульской губернии граф Василий Алексеевич Бобринский «продал на своз две тысячи душ крестьян из Елифанского уезда: два села по тысяче душ, Егорьевское и Ивановское... Выселение этих двух тысяч в Херсонскую губернию из родных гнезд было ужасно. За несколько верст слышны были плач и причитание баб. И эти две тысячи душ с женами и детьми шли в Херсонскую губернию, купленные знаменитым Бенардаки на приобретенные им степи...» («Наброски из воспоми-

наний кн. Д. Д. Оболенского». «Русский архив», 1894 г., кн. IV, стр. 363).

А про эту покупку крестьян в Тульской губернии на вывоз в Херсонскую Гоголь мог непосредственно узнать от самого покупателя этих крестьян, откупщика Бенардаки. У нас есть и об этом не оставляющее сомнения свидетельство. В 1839 году Гоголь вместе с Шевыревым и Погодиным неоднократно встречались с Бенардаки, и вот как об этих встречах рассказывает один из их участников М. П. Погодин:

«Мы все гуляли вместе. Бенардаки, знавший Россию самым лучшим и коротким образом, бывший на всех ее концах, рассказывал нам множество разных вещей, которые и вступили в материалы «Мертвых душ», а характер Констанжогло во 2-й части списан в некоторых частях прямо с него» (М. П. Погодин «Отрывок из записок о жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году». «Русский архив», 1865 г., № 7, стр. 895).

Итак, если в первой части «Мертвых душ» воспроизведена покупка Бенардаки крестьян в Тульской губернии, то во второй части «Мертвых душ» воспроизведен в лице богатейшего помещика Констанжогло сам Бенардаки.

Кстати сказать, Бенардаки, этот неразборчивый делец, разбогатевший на винных откупах, под именем Тармаламаки, фигурирует и в стихотворении В. Курочкина «Сон на Новый год» («Искра», 1860 г. № 1, стр. 7), где мы читаем:

Певец желает в Новый год,

Чтоб чарка водки в воскресенье —

Труда тяжелого забвенье —
Была у бедных мужиков
И вместе с тем, чтоб паки, паки
Разбогател Тармаламаки,
Снимаемая пенки с откупов.

Примечательно, что и фамилия Тармаламаки (означающая «халатник» от слова «тармалама» — ткань, идущая на халаты) связана с «Мертвыми душами», в заключительной главе 2-й части которых указывается, что Чичиков был «в персидском новом халате из золотистой тармаламы» (по шеститомному изданию сочинений Гоголя 1949 г., т. V, стр. 397).

Небезынтересно, что в «Мертвых душах», сюжет которых связан с тульской тематикой, первым, кто встречается Чичикову, дан со специальной «тульской» приметой: это был молодой человек в манишке, застегнутой «тульской булавкой с бронзовым пистолетом»...

Вышеприведенный рассказ Оболенского о том, как на несколько верст был слышен плач насильственно перевозимых крестьянок, показывает, как сами перевозимые относились к этому. И если иные («бабы») только плакали и причитали, то другие («мужики») могли реагировать иначе... Вот почему, когда о «покупках» Чичикова стало в городе известно, многих — повествует Гоголь, — «трудность переселения такого огромного количества крестьян чрезвычайно устрашала» и они «стали сильно опасаться, чтобы не произошло бунта»...

Эти опасения, как показывает статистика крестьянских восстаний в Тульской губернии от 1840 до 1860 года, имели основания, и когда Чичикову советовали взять конвой «для безопасного препровождения крестьян до места жительства», советчики исходили из опыта подобных переселений. Так, мы знаем, что когда тульский помещик князь Вяземский решил переселить из того же Елифанского уезда, что и граф Бобринский, пять семейств крестьян, то ему для этого пришлось прибегнуть к целой роте солдат, которые женщины посадили силой на подводы,

а мужчин повели под конвоем (Об этом см. в работе В. И. Крутикова «Отмена крепостного права в Тульской губернии». Тула, 1956, стр. 43). И Чичикову также советуют переселить «купленных» им крестьян под конвоем. И если он от этого отказывается, говоря, что «купленные им крестьяне отменно смиренного характера... и что бунта ни в коем случае быть не может», и то лишь потому, что все его крестьяне, по его же собственному выражению, только «мечта». Действительных крестьян переселять без конвоя было весьма рискованно...

Продажа крестьян и насильственное их переселение в дореформенной крепостнической России практиковалось часто, но продажа их сразу в таком громадном количестве (две тысячи душ!), как это имело место в Тульской губернии, даже для того времени было событием крепко запоминающимся, и когда современники этого события читали про аферы Чичикова (в 1-й части «Мертвых душ») и про рачительную деятельность Констанжогло (во 2-й части «Мертвых душ»), они, безусловно, не могли не вспомнить про тульских крестьян, и о том, как их Бобринский продавал, а Бенардаки покупал. Для нас же, читающих великое произведение Гоголя уже через 80 лет после его появления, вышеприведенный нами «случай» с тульскими крестьянами — еще одна иллюстрация реалистичности творчества Гоголя, этого великого ревизора всей дореформенной России.

М. АЛЬТМАН,
профессор,

доктор филологических наук.

«КОММУНАР»

29 марта 1959 г. 3 стр.